

А.Л. Гордин

Интериндивидуализм

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А11 **А.Л. Гордин**
Интериндивидуализм / А.Л. Гордин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 234 с.

ISBN 978-5-458-54693-5

ISBN 978-5-458-54693-5

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

вопрос, устранение противоречий между работодателем и рабочим. Второй: производственный вопрос, устранение дезорганизации в пределах целого хозяйства. Так как капиталистический строй начал дело организации, но не довел его до логического и фактического завершения. Изнутри царит дух планомерности, целесообразности, все высчитано, рассчитано, внутренняя организация и внешняя дезорганизация.

Оба вопроса марксизм решает одним ударом, одним приемом, сливает воедино отдельные предприятия, он национализирует производство, он обобществляет, вернее национализирует, этатизирует орудия производства.

И таким образом, он решает фактически вопрос производственный, вместо проклятого феодализма производственного, промышленного и торгового, он вводит, создает производственный абсолютизм, он подводит экономическую базу под национальную идеологию, создавая единое хозяйство. Здесь социализм выступает как сила, как реальная мощь, регулирующая, сливающая, соединяющая отдельные разрозненные экономические графства, сеньории под единую эгиду, под единое начало социалистического государства. Здесь социализм выступает, как жестокая, но сильная, действующая, сила. Но что касается первого вопроса, регулирования отношения между капиталистом и пролетарием, между надзирающим, контролирующим и трудящимся, социализм впадает, можно сказать, в фактический столбняк, довольствуясь юридическим фетишизмом, он отменяет право собственности и вместо капиталиста собственника оставит капиталиста-непосвоенника, он довольствуется юридическими изменениями, имеющими за собой немного реального.

И поэтому социализм наполовину либерален, т.е. решает вопросы социальные, экономические в одной плоскости, в плоскости взаимоотношений контр-агентов, чисто юридически.

Тут слабое место социализма. И, на самом деле, он подменяет социализм каким-то жалким юридизмом. Он отменяет право собственности, удаляет собственника и ставит на его место такого же фактически, но другого юридически.

Я бы сказал, что социализм-марксизм решает только вопрос хаоса производства, но не решает внутреннего большого вопроса, реорганизации внутренних отношений.

3.

Да, социализм-марксизм обещал этот вопрос решить, решить радикальным, коренным образом. Но это только обещание. Он все внимание устремляет на упорядочение внешних неурядиц хозяйства, производства, он смстрит вовне, а не внутрь. И можно сказать, что он правильно поступает. Он выбрал правильный путь, в известном смысле, с внутренней задачей ему не справиться, не справляясь с внешней. Надо изменить об"ем, надо реорганизовать хозяйство, а внутренние отношения—это дело следующего течения. Но зачем это социализм марксизм маскировал? Зачем он скрывал ту истину, что все его внимание сосредоточено на реорганизации производства в смысле расширения об"ема экономического организма, а не в смысле переставки, переломки внутренней пропорции между трудящимся и капиталистом. Он это скрывал, боясь: если он откроет правду, то пролетариат может не обнаружить той суммы самоотверженности, преданности, боевой готовности, наступательности, того пафоса, того восторга и упоенности будущей жизнью, которая требуется для уничтожения старого порядка, старого дезорганизованного порядка.

Он боялся пролетариата, самого себя, он самого себя обманывал, обещая полнейшее решение этого вопроса, таким способом, каким его *категорически* не решить. Он скрывал свою организаторскую подоплеку. Он это затаил. Прикрывая свою настоящую организаторскую физиономию забралом пролетарским, маской, на которой изображено лицо трудящегося.

„Владыкой мира будет труд“ — он распевает на всех перекрестках. Но какой труд чернорабочего, квалифицированного или организатора.

Социализм в силах создать чистого организатора. И весь процесс истории до наших дней можно рассматривать как подготовительную стадию к выхаливанию, к вскармлению чистого организатора, типа, носящего свое могущество в себе, а не во внешнем мире, типа, еще не окончательно разоб"ективированного. В начале этот орга-

низатор выступает в качестве рабовладельца, он владеет человеком, вещью, он владеет, являясь его собственником, а овладеваемый, покоренный им, превращается в инструмент. Затем он абстрагируется, отвлекается, возвышается, он становится лишь землевладельцем и душевладельцем, он владеет не рабами, а крепостными, "душами". Затем он становится собственником-капиталистом. Он владеет людьми лишь косвенно, владея вещами. Затем он становится не чистым организатором, он руководит людьми потому, что он их организует, он управляет "вещами", но ими не распоряжается на правах собственника. Еще один шаг, и он проведет свою организаторскую, свою чистую кристаллизованную форму управления и в политику, он станет распоряжаться только вещами, а лишь косвенно, рефлекторно людьми. Это период так называемого анархизма или рабочего социализма.

Социализм питал целую кучу мифов, ибо он чувствовал, что одной трезвой правдой далеко не уйдет, он чувствовал, что если он не прибегнет к помощи социальной легенды, этой великой волшебницы, любимой детьми младшего возраста, то он не увлечет рабочих.

4.

Социализм особенно распространялся на счет эксплуатации, он так много говорил о прибавочной стоимости, о прибавочном труде. Он будто бы решал этот вопрос. На деле же он был исключительно занят решением другого вопроса, вопроса свободной конкуренции и сепаратизма хозяйства. Кто может это упорядочить. Кто может ввести порядок в хаос производства, обуздать эту "анархию", как это явление любит называть Маркс?

Ясно, что организатор—талант первой величины в этой области. Тут слово за организатором, за организатором-специалистом. Древний мир не знал настоящего организатора, средние века его не знали, и капиталистический мир его не знал. И дело не в том только, что он не выступал в чистом виде, что он всегда маскировался, выступал под чужим именем, то он назывался рабовладельцем, то феодалом, и проч., а дело в том, что под этой маской скрывалась не чистая форма, не достаточно ясно очерченное лицо. Он не был настоящим организатором, так как он соединял в своем лице несколько лиц. Он не был специалистом, дифференциация не достигла еще той ступени, которой она достигает на наших глазах. При социализме, и, главное, во второй стадии он становится организатором и только организатором, в то время, как раньше он был владельцем, собственником земель или капиталов, он выступал в разных ролях.

Обрасывая с себя все ему не нужное, все исторически пройденное, он выступает в чистом, специализированном виде. Не мог же он развить свой организаторский талант, свою организаторскую способность будучи собственником, будучи сепаратистом, слишком мелка была фирма, область, слишком тесны и узки были ее границы, чтобы он мог выявиться до конца, до предела возможности. Конкуренция—смерть организаторства. Организатору нужно крупное хозяйство. Собственнику мелкое, но свое, где он царствует, бесспорно, на правах хозяина. Хозяин с организатором боролись в нем самом. Хозяин требовал *своего* владения, *своего* дела, организатор жаждал синтеза, слияния, соединения разных фирм в одно целое. Как компромисс из этого трагического положения, борьбы между хозяином и организатором получился трест. Но социализм отсюда явиться не мог. Для того, чтобы мог родиться чистый организатор, должен был хозяин уйти, умереть, исчезнуть, пропасть, исторически разложиться на свои два составные элемента: на собственника, капиталиста, копителя денег и богатств, и на организатора, творящего процесс производства, не владельца накопленного, крупного собственника, а творящего, копящего, создающего будущие богатства и еще не окончательно выявившегося. Образовалась брешь между прошлым и будущим капиталиста, между бывшим капиталистом и грядущим, его выявленным "я" и его потенциями. Накопленное требовало от капиталиста только одного хранения и сохранения. И надо сказать, что этим, главным образом, и занимались следующие друг за другом в процессе накопления богатств поколения буржуев, которые не становились миллионерами, а рождались ими, по выражению зарвавшегося выскочки, Ротшильда, который, вопреки, чисто бур-

жуазным традициям, стал квалифицировать буржуазность, как благородство, как родовитую аристократию. Эта функция сохранения накопленного настолько проста, настолько упрощена, что ею может справляться каждая совокупность лиц. Вторая же функция, организация производств, требует интенсификации таланта, квалифицирования его, и эта функция вызывает ныне к жизни нового типа социалистического—экономического.

5.

И если раньше в лице организатора был и собственник, и организатор дела, то теперь в лице организатора соединяются два других качества, которые, слившись, во едино, образуют высшую сложную степень единого, эконома и политика. Хозяйство становится политическим. Политика становится экономической. И на первом плане выступает организатор, организатор-теоретик. Здесь рост, прогресс, создание новых форм, как в области хозяйства, так в области правления. Организатор и теперь содержит в своем лице несколько лиц, качеств, залог будущих дифференциаций и разложений после достижения полной зрелости типа, но все эти лица лежат в области субъективного, а не объективного, внешнего мира, они все зарыты в „я“ а не в „не-я“, как был случай с рабовладельцем, с собственником: тут множество качеств, функций, но нет уже того расщепления между внутренним и внешним, что было при капитализме, хранитель сущего, настоящего, прошлого, накопленного и множитель - творец новых богатств. Прошлое мешало будущему, прошлые богатства давили, как традиции, как крышка гроба на покойника, на грядущие возможности, на грядущие выявления, на высовывающиеся.

И пришлось разойтись, прошлое национализировал восставший пролетариат, конфискуя имущество; будущее, т. е. возможности организационные, заложенные в некоторых лицах, руководящих этим процессом, получит своего носителя в лице грядущего организатора. И будущий организатор не выступает, как буржуазия, сепаратно, а компактно, сплоченно, как класс, как целое, на то же он организатор. Организация соединяет, собственность, по существу, раз'единяет, дробит, создает распри, вражду, ненависть, зависть, соперничество, воплощенное в лицах, в конкретном. Организатор выступит при социализме, как целое, в этом его и сила, в этом его и слабость. Его сила—он сплочен, он спаян, он представляет собою органическое единство, он спаян организационно, один сидит на другом, он весь построен в виде пирамиды, он сам, как целое, как тип, внутренне связан, не то что было с буржуазией. В этом его и слабость, так как он носит внутренний антагонизм, но его антагонизм организованный, не тот, что свирепствовал между буржуем и буржуем. Там и антагонизм был хаотический, здесь он определенный, установленный. Антагонизм между нисшим и высшим по лестнице организации. Буржуазия допускала, чтобы двое-трое были одинаково богаты, организаторская корпорация этого не допускает. „Два короля не пользуются одним венцом. Два солнца не сияют одним и тем же светом (Мидраш)“.

Так что социализм есть эпоха организаторства, при нем организатор получит свое завершение, достигнет своей кульминационной точки.

6.

И спор между марксизмом и анархизмом, традиционным, старым не вращается вокруг организационного, социологического вопроса, а весь лежит в плоскости метода управления и правления.

И не даром, и не случайно называют некоторые классики свое учение „рабочим социализмом“, и, тем более, не даром продолжают это твердить и бездарные их ученики. Их учение, на самом деле, является „рабочим социализмом“.

Социализм-коммунизм надо приравнять к буржуазному абсолютизму. Для преодоления сепаратизма в политике, для изживания и уничтожения феодализма, пришлось создать сильную, но в высшей степени жестокую, форму правления, один абсолютизм был в силах скрепить разрозненные политические единицы средних веков. И он был создан.

Теперь социализм, на первой стадии своей, должен будет создать экономический абсолютизм, т.-е. ему придется создать более жесткую власть, чем та, которою пользовалась буржуазия на второй своей стадии развития. Первая стадия социализма, господства организаторов должна, в известном смысле, совпасть, с первой стадией буржуазного порядка, т.-е. с той стадией, которая ознаменовалась уничтожением отдельных политических единиц, уничтожением мелких князьков. Эго не хотят понять противники большевизма, как справа, в виде меньшевизма и эсервизма, так и слева, так называемого анархизма. Анархизм, я говорю о „классическом“ эклектическом анархизме, который сам себя величал рабочим социализмом, есть то же господство организаторов, но он совпадает, или совпадет со второй ступенью буржуазного владычества, он соответствует второму периоду, когда буржуазия загуманничала, стала проповедывать целую уйму свобод. Эти два периода, в сущности, составляют один процесс, уничтожение феодализма, первый шаг находится в усилении власти, в скреплении общегития, в создании единства из множества разрозненных единиц, и поэтому он проходит под знаком гнета, давления. Второй процесс, когда буржуазия стала думать о себе, так как враг уже был сломлен, в известном смысле тогда буржуазия заговорила о свободе, о свободе для себя. То же самое с социализмом, он имеет две стороны, которые спорят между собой, иногда и враждуют, но, на деле, это зря, так как они оба составляют одно целое. Когда организатор уничтожит буржуазию, то он станет гуманничать, он заговорит о свободе, и надарит „свобод“, сколько влезет, путь предначертан уже буржуазией и ее политикой, проделанной ею. Тут только историческое своеобразное повторение.

И, в сущности, когда организатор одолеет своего врага, буржуазию, то разве ему придется прибегнуть к жестоким, юридическим мерам воздействия, для подавления, для помывания жалким, несчастным, беспомощным организуемым, который сравнительно с ним, владеющим всем, составит нуль? нет, он справится с своей задачей и без этих мер, которые отомрут из-за излишности. Но из этого не следует, что тогда воцарится долгожданная свобода. Ничуть не бывало. Дело не в свободе и не в несвободе, а дело в социологическом разрезе, в пропасти противоположности интересов и позиций, зияющей между одним типом и другим.

Но для борьбы с этим парием аристократии, организатору не зачем будет прибегнуть к механическому, юридическому воздействию. Если буржуазия, класс наполовину организаторский, могла справляться и обирать пролетариат, почти не прибегая к помощи юридических скорпионов, довольствуясь своим экономическим преимуществом, и лишь косвенно пользовалась юридической, механической принудительностью, пуская ее в ход против деликтности, в виде наказания за нарушение существующих, освященных отношений, тем более организаторы по преимуществу, им то, наверное, не придется прибегнуть к этой машине, несмотря на то, что в их руках она вся и будет находиться. Достаточно им будет одного экономического давления. И не даром все социалисты признают этого рода „анархизм“, признают его народники - социалисты и большевики, признали его и Лавров, и Энгельс, и Маркс. Зачем прямая власть над людьми, когда осуществлена власть над вещами. а с их помощью, косвенно, получится власть над людьми, которая наивным, неглубоким покажется добровольной, *анархией*.

Социализм завершит, как мы сказали, отшлифует, выкристаллизует тип организаторов

7.

Социализм, далее, как мы несколько раз уже сказали, подгоняет отсталую экономику под размер, под величину бывшей политики. Пусть это не нравится марксистам, утверждающим обратное, что всюду гегемонизирует экономика. Размер политический шире размера экономического и не только размер, но и форма политическая сложнее. Отношения политические более развиты, более концентрированы, более планомерны, более целесообразны, более определенны и сознательны. В них меньше случайности и стихийности, в них больше предвиденного, больше нормировки. Здесь в политике, организатор, регулирующий внешнее и внутреннее отношения, выступает более в чистом виде, чем в экономике, где он скрыт собственничеством. И в политике он одно время

выступал в роли собственника, феодал, сюзерен господствовал, реализовал свое преобладание, благодаря тому, что общее пользование землей принадлежало ему, патримонная форма господства. С ростом политической организации, с усложнением ее формы, с сознанием ее необходимости, с возрастанием ее могущества, ее материальной и духовной силы, господство отвлекалось от земли, от права собственности на землю, оно перестало быть собственническим, от земли оно перенеслось на людей, на народ, который представлял, по их понятиям, целое органическое неделимое. При патримонном взгляде на господство, когда власть, казалось, реет, главным образом, над вещью, над базой общежития, над основой, содержащей в себе все источники богатства и существования, когда организация еще не умела автономизироваться, когда политика еще не была в силах оторваться от пуповины экономики, когда преобладали всюду и везде экономические воззрения и экономические, собственнические понятия, при смерти царя, феодала дети унаследовали его достояние, его земли и делили их между собой, как дети капиталиста делили его деньги, как дети крестьянина делили наследство, выражавшееся в получении полоски земли. Наследственное право вместе с правом собственности, внесенное в область государства, в сферу *impreium'a* совершало дробление могущества, дробление господства, чуть не сведя его на нет. Но господство погоняемо организаторством, организаторство требует большого размера, большого размаха, без этого оно теряет свое право на существование. И господству пришлось отойти от простого понятия собственности, от вотчинности, от патримонности, создавая учение о чистом господстве над народом, не допускающем, в силу своей органичности, деления на равные куски, на полосы, как не органическая земля. Господство кристаллизуется, получает свое преобладание над понятием собственности. Господство укрепляется в политике, политика отделяется, освобождается от тяготеющих над ней экономических предрассудков. Создается учение о престолонаследовании, где господство переходит в руки одного члена, а не всех. Тут полнейший отказ от экономического воззрения на наследство. На этой стадии наследство политическое напоминает экономическое наследство в патриархальной семитской семье, где главная доля наследства доставалась первенцу, перворожденному, старшему сыну. Так как там не было чисто экономического наследства, семья не была экономической единицей, но и политической, семья была государством в миниатюре. Наследство политическое претерпело ряд изменений, но окончательно не отходит в область преданий, пока не отмирает форма монархии. Почти все монархии наследственны. Тут сохраняется еще связь и преобладание понятия собственности над понятием господства. Ясно, что наследство имеет отношение к наследственности, имеющей свои корни в биологии, в родстве, в крови. Экономика, будучи более отсталой, чем политика, сохраняет и чтит эту связь больше нежели политика, стоящая выше на лестнице социологии. Политика отказывается совершенно от идеи наследственности, вплетая, как посредствующее звено, как переходное состояние, пожизненность. Затем и отказ от пожизненности, выборность и к тому на время. Создается республика. Господство совершенно отходит от экономических понятий, от понятия собственности. Организаторская функция *impreium'a* все более выявляется.

8.

Наследство еще долго держится в области хозяйственных отношений, фирмы переходят от рук отцов в руки наследников. Торговые дома дробятся, та же участь постигает и поместья, крупные земледельческие хозяйства, предприятия.

Пока эти хозяйства не представляли собой высоко организованных механизмов или организмов, то их раздробление не отзывалось губительно на их производительность, прибыльность. Сцепление было чисто механическое. Здесь все было вопросом количества, а не качества. Количество понятие чисто математическое, оно подлежит простому делению. Когда величина предприятия перешла из сферы количества в сферу качества, тогда дележ оказался пагубным, нельзя же делить неделимое, целое. Нельзя ведь разрезать ребенка, живой организм, на несколько кусков. И пришлось бороться или с наследством, которое, никоим образом, не вяжется с понятием организаторства, понятие исключительно индивидуальное, массовое, биология вступила в резкое

столкновение с социологией. Чем дальше, тем больше выступала роль организатора и в хозяйстве, и стала пробиваться мысль о пагубности наследственных дележей. Но в то время, как *Imperium* справился с этой задачей созданием кодекса о престолонаследовании, собственность, экономические отношения, лежащие на дне социологических отношений, не могла таким образом решить проблемы. Ибо такое решение в пределах маленькой семьи, экономической единицы, не возможно. И в то время, как господство, решая этот вопрос, под давлением выявления организаторского элемента, ударяет всей силой на экономическое понятие собственности, отказывается от патримониальности, выдвигает принцип политический, который ведет к концу, к совершенному разрыву между экономической единицей, представляемой господствующей семьей, династией и политикой, создавая новый вид организаторов выборных, так как организаторство, как сказано, не вяжется с идеей наследственности,—то идея собственности, будучи тесно связана с семьей, с наследственностью, не в силах выдвинуть окончательно идею организаторства в производстве и отрешиться от самой себя, ибо это означало бы самоубийство для собственности, для остатков биологии в хозяйстве, в низшем этаже социологии,—ударяет всей силой на биологию и вместе того, чтоб реформировать наследство, отношение собственности между отцом и сыном, формирует биологию, прибегая к помощи искусственных мер, создавая однодетную семью, семью приспособленную к крупному хозяйству, не допускающему раздробления, хозяйству, дробление которого равносильно его уничтожению, разорению.

Однодетная семья говорит о сознании организаторской, связующей роли собственника, хранителя, копителя сокровищ, не как мертвого капитала, который допускает расчленение, а как живого капитала, как размножающегося, плодящегося, возрастающего богатства, дробление которого может (поразить) его репродуктивные органы, может отразиться губительно на доходность.

Такое решение вопроса, бесспорно, не правильно, есть аномалия. Всякое решение вопроса требует восхождения. Если раздробление хозяйства губительно, если собственник, дает себя чувствовать, должен уступать и уступит свое место организатору, творцу единого сплоченного хозяйства, и собственность перестает быть одним хранением сокровищ, богатств, доходность которых равномерно распределяется между каждой единицей богатств, а получается как следствие всей суммы, составленной органически из слагаемых. Если это сознают, то требуется делать шаг вперед, оторваться от биологии в социологии, подняться на высшую ступень и понять, что время биологической социологии прошло даже в хозяйстве, не то что в политике, в чистом общении, в общечеловеческой, в регулировании интересов касательно внутренней и внешней охраны и безопасности и благосостояния. На это не был способен старый капиталистический мир. Он решал вопрос по иному. Он решал вопросы экономики, посредством оказания давления на биологию. Он не изменил экономику, а реформировал семью, желая таким образом достигнуть тех же результатов. Но максимум того, чего можно было достигнуть таким образом, это охранение, удержание уровня организаторства, убережение хозяйства от развала, от искусственного раздела. Но такое решение вопроса не могло удовлетворить нарастающую важность роли организаторства. Организаторство есть же талант, есть духовная способность, получающая свое применение в социологии. Как духовная функция, как духовная ценность она не укладывается в рамки семьи. давно минули те времена, когда духовные ценности вращались в пределах семейственных или родовых. Далее, как социологическое явление, как политическое явление оно отячь не могло ограничиться семейственным положением.

Политика давно выросла из этих пеленок. — Тем более, что капиталистическая собственность, чем дальше, тем все больше, приближается к господству, к власти над людьми, а не над вещью, над капиталом. Суть не в накопленном, а в накапливаемом, в регулировании отношений, в создании индивидуального экономического государства под названием предприятия. Собственность в примитивном, в чистом виде предполагает непосредственное отношение и воздействие человека на вещь. При капитализме ничего подобного не было. Между вещью, между машиной, фабрикатом и фабрикантом стоит трудящийся и целая иерархия служащих. Тут собственность так и стремится к господству, она само собой, с ростом производства, претерпевая ряд трансформаций, перестает быть собственностью, она становится господством, вопло-

щенным не в чистой организации, а в организационности, замаскированно устаревшей, выдохшейся формы собственности.

И тут происходит их слияние. Собственность отходит от себя, превращается в господство. Экономика становится политикой, последняя, как более совершенная форма, преобладает над первой. Организатор в экономике протягивает свою руку организатору в общении, в политике, они образуют, в пределах бывшего политического организма, одно лицо, одно единство, национально-государственное хозяйство, т.-е. „политическую экономику“, общественное „хозяйство“, т.-е. интериндивидуальное хозяйство, доведшее свою интериндивидуальность до предела бывшего политического могущества. Собственник отмирает, рождается организатор. Организатор социологичен. он ничего общего не имеет с семьей с наследственностью, он покончил с биологией, он весь социологический массив, хозяйство поднялось, вступило в новую сферу, в сферу политики.

Тут сказывается преобладание политики.

9.

Сперва она сама себя очистила от всех чужеродных элементов, от всего ей чуждого, неподходящего, всех анахронизмов биологических, собственнических. А затем она стала давить, влиять на экономику, чтобы и та пошла по ее пути, по проложенной ею стезе. Этот взгляд противоречит вульгарному пониманию экономического материализма, но зато он находится в полном контакте с действительностью. Обратное развитие. Развитие системы, фактора не происходит только в одном направлении, а по возможности по всем направлениям. Здесь можно сказать есть обратное действие, политический фактор, новые формы трансформируют экономику; организаторство, как таковое стремится к единству. охватывает одновременно все отрасли интериндивидуальной деятельности. Не то же самое ли мы наблюдали при развитии капитала, т.-е. при первоначальном зародышевом выявлении организаторства в хозяйстве. Капитал зародился, выявил себя в торговле, в перемещении готовых продуктов, создалась торговля, которая развилась до международного масштаба. Затем капитал делал еще один шаг вперед .. нет, назад, хотя исследователи этого не заметили, думая, что он двинулся вперед. Он опустился, очутился в ремесло. Он зародился в обмене, в торговле и перешел, делая шаг назад, обратно развиваясь, в ремесло, создавая промышленность, т.-е. презрел ремесло, обработку продуктов, которая ограничивалась ремеслом, в обрабатывающую промышленность, Капитал углубился, стал пускать корни в почву хозяйства. Он на этом не остановился. Он шел дальше т.-е. глубже, он стал проникать и в добывающую промышленность, он вошел в земледелие и стал эту отсталую отрасль труда, это ветхое занятие, поднимать, реформировать, капитализировать. Вот как идет его развитие. В двух направлениях, вперед, завоевывая новые отрасли, создавая новые предприятия, открывая новые сферы обработки, с одной стороны, с другой же стороны, он разрушал старое, пересоздавая его, изменяя, реформируя самое отсталое, даже земледелие и скотоводство, превратив последние в крупные предприятия, примерно, коннозаводство и проч.

Аналогичное явление мы замечаем в политике. Она реформирует хозяйство при социализме. Политика давит на экономику. Политический организатор выравнивает фронт экономики, превратив экономиста, капиталиста в организатора. Но в это же время политика подымается на одну ступень выше. Если экономический организатор национален, то политический организатор интернационален.

10.

Нельзя видеть регресс в этом слиянии обоих видов деятельности. Политика унифицирует все насквозь и нивелирует, выравнивает организаторскую деятельность, подвешивая ее под одну рубрику.

Прогресс техники сопровождается всегда уничтожением квалификации в низших отраслях и подъемом ее в высшую сравнительно сферу. Машина перекидывает мост

между черным и квалифицированным трудом, она это делает, совершенствуя приемы труда, объективируя их, воплотив их в металл, отливая споровку не в виде ремесла, представленного в лицах, или в руководимых и руководителях, а в железе, в меди, в автоматизме. Если прогресс, с одной стороны, означает переход от однородного к разнородному, то высший шаг прогресса всегда означает создание искусственного однородного из естественно разнородного, разбросанного, посредством внесения перисдиктности в движения, в манипуляции. То же и в организаторстве. Его рост, его развитие, его прогресс лежит по линии выравнивания психики и экономики. Один и тот же организатор охватывает всю деятельность общежития, ту деятельность, которая поддается плану, вычету, учету, автоматизму, схеме.

Соединив, примирив организатора политика и организатора-эконома, создав из них одно единое единство, одно социологическое целое, покончив с раз'едающим общежитие дуализмом, губившим и хозяйство и правление, политика получит особый блеск, особую ценность. Совершив этот акт, она вывгрывает не только в объеме, тем, что она, покорила области, которые в известном смысле находились вне сферы ее прямого воздействия, вне линии ее прямой компетенции, она крепнет вообще, она изнутри становится интенсивней, сплоченней, шире. Политика от этого становится сильней, могущественней, автономней, более замкнутой, она перестанет прибегать в такой мере, в сфере национально-государственных отношений, к помощи фактических, механических и, главным образом, психологических, воздействий, без которых право не может обходиться. Эти меры остаются лишь в сфере интернационального, в сфере чистой политики. Право нуждается на психологическом воздействии, на страхе, на боязни перед наказанием, перед взысканием. Политика, победив экономику, взяв ее в помощницы себе, для организации междуличных отношений в пределах бывшей политики, перестает столько нуждаться в правовом, юридическом факторе. Вместо юридического оно всегда имеет к своим услугам фактическое, которое оно заимствует у экономики

11.

Экономика, как сказано, становится политикой, становится политической. Но в ответ на это политика становится экономической. И обе они сливаются, образуя единство в пределах бывшей политики. Это единство образует социологическое могущество, не нуждающееся для реализации себя в жизни, для проведения своих организаторских задач и планов ни в психологическом воздействии, ни в каком ином принуждении и „насилии“, которым оперирует право. Из этого не следует, разумеется, что право упраздняется, как утверждают некоторые утопические социологи, из этого только следует, что и право получает повышение, поднимается на одну степень, отходит от психологии и становится в уровень с экономической деятельностью, оно компенсируется, оно оперирует более с вознаграждением, уменьшением его или увеличением, а не наказанием, оно бросает „страх“ и обращается к „любви“, а страх оно применяет лишь в сфере интернациональной, там, где осталась одна политика. Но эту сторону выясним в другом месте. Главное, что нас здесь интересует, это возвышение, которое от этого получает организатор и организаторство. Если собственник не был, не мог быть настоящим организатором, потому что ему мешала собственность, сепаратизм семейный, наследство и его слишком реальная связь с биологией, с самим собой, и с его продолжением, с его потомством, то политик не мог быть настоящим организатором, ему мешала его слишком тесная связь с психологией и с физически механическим действием, он весь завяз в тине юриспруденции. Свое освобождение он празднует в день своего сочетания с экономом, с хозяйством. Тогда организатор политик становится на ноги, получает свою конкретную силу, мощь.

Организация, как таковая, слишком абстрактна, слишком неуловима: повреждения, погрешения в этой области не так очевидны, их реакции не так (ощутительны), осязательны. Простому, неразвитому человеку вся эта деятельность кажется никчемной, ненужной, паразитической.

Конечно, это невывный социологический реализм, думать, утверждать, что организаторская деятельность лишняя, бесполезна. Но этот грубый реализм присущ без-

хитроственному человеку, который, не разбираясь, принимает правильное суждение о паразитической деятельности организаторов, по простоте своей, как утверждение, что организаторство, вообще, лишняя работа.

И организатор для проявления себя прибегал к помощи действительных героических мер, как грубое физическое насилие.

Хозяйство и его блага и выгоды реальнее и проще. Хозяйство доступнее среднему сознанию.

Без хозяйственной опоры политический организатор не мог выступать в чистом виде, в чистом социологическом виде, без помощи насильственных воздействий, имеющих свое отражение в праве. Опираясь на хозяйство, он их бросает, верней, переносит, как сказано, в сферу интернациональных отношений.

Так что от этого слияния оба организатора, если можно так выразится, выигрывают. Эконом организатор становится чистым организатором, перестав быть собственником, свойство, которое ему только мешало, свойство, которое было связано с накоплением и с наследственностью.

Организатор-политик выигрывает, заручившись помощью эконсма, в том, что он больше не нуждается в скорпионах грубого принуждения, он укрепляет свое могущество на скале фактического, в конкретном, в реальном, в хозяйственном, в материальных осязательных благах, выгодах. И остается он власть—имущим, не фактическим господином, а юридическим, лишь в области международной.

12.

Исторический материализм, который называют и экономическим материализмом, отвечает известной стадии развития хозяйственных отношений, он снимок с буржуазного мира, в котором господствует капитал, богатство. Буржуазный мир, отраженный в философии, творит учение об экономическом бытии, определяющем всякое сознание. И на самом деле, что за ценность имело сознание в буржуазном порядке, где сознание было товаром, где оно продавалось и покупалось. Буржуазный мир, опошленный до глубин, до нутра, чуть не дошедший до торговли этим бытием, не только сознанием, разве он мог вызвать другие представления в умах мыслителей, исследовавших его.

Экономический материализм отвечает, соответствует капиталистическому хозяйству, но несколько не соответствует социалистическому, где на первом плане выступает организаторство, политика, где все политизировано, где господствует умственная способность, а не об'ективированный черный или квалифицированный, отлитый в золото или в другие материальные ценности, труд, где первую скрипку будет играть не класс копителей богатств, лежащих вне копителей, а в внешнем мире, а тип, совокупность организаторов, „богатство“ которых заключается в них самих, в их умении.

Этому порядку отвечает другая идеология, не превозносящая *материю*, а форму, организацию, политику, общительные силы. Этому периоду отношений и взаимоотношений отвечает политический *формализм*, исторический формализм, или точней, политический энергетизм, ибо здесь все вращается вокруг *формы*, вокруг организации, вокруг сил, а не материи, верно, и экономический материал был бы гораздо лучше, если бы обозначали его экономическим энергетизмом, так как ведь экономические факторы, производительные силы не *материя* в простом значении этого слова, а энергия, сила. Политика выше всего. Не богатство, не накопление с одной стороны, не труд, с другой стороны, а талант, организаторский талант—вот, кто будет владыкой мира. Изобретение, изобретатель, практик организационный, вот кому принадлежит ближайшее будущее, и он должен пресоздать и формы идеологии. Все дело не в материи, а в форме, не в „чем“, а в „как“, не в материи, а в энергии, в преодолении, в создании формы. К этому сводится все. Форма начинает преобладать. И класс „формалистов“ энергетистов покорит мир. Выведение на широкую дорогу этого класса, верней, типа, есть дело социализма. При социализме этот тип станет чистым и господствующим, он будет господствовать именем организации, организованности, порядка и упорядочения общежития, которое разрастется до небывалых размеров и будет нуждаться в квалифицированном организаторстве.

Утверждение социализма, выраженное неоднократно Марксом, самым глубоким обоснователем социализма, что победа обеспечена за пролетариатом самим ходом истории и предыдущим ее начертанием, насквозь пропитана исторической и логической ошибкой.

Это утверждение, собственно, проходит красной нитью через всю социалистическую литературу. В этой аналогии, проведенной между победой буржуазии и триумфом, ожидающим пролетариат, он, социализм, марксизм черпает всю свою уверенность в торжестве, уверенность в окончательном решении рабочего вопроса. (Смотр. „К критике политической экономии“ Маркса в предисловии).

Это суждение, мы сказали, ошибочно.

В чем кроется ошибка? Ошибка, по нашему, в том, что тот факт, то историческое данное, гласящее, что буржуазия в исторической схватке, на арене хозяйства и правления оттеснила, или совсем разбила и победила феодалов, как раз говорит против того, что пролетариат, в социалистическом понимании, как класс трудящихся, что рабочие победят буржуазию. Пролетариат и буржуазия являются двумя контрагентами одного производственного процесса в одной исторической полосе. Им аналогичное место занимали предыдущие два контрагента, лежащие на один исторический шаг назад, помещик-феодал и крестьянин. Крестьянин сталкивался, боролся с помещиком, допустим, как пролетарий с капиталистом. Землевладелец и хлебороб-земледелец в предыдущей эпохе, фабриковладелец, капиталовладелец и трудящийся в настоящей эре. Если бы мы могли доказать, что в прошлом, в предыдущей эпохе, крестьянин одолел своего господина, своего барина, одолел, оттеснил, перерос его, экспроприровал, и конец, тогда мы бы аналогизировали и сказали: как крестьянин победил своего повелителя, своего угнетателя, так сейчас пролетарий, в социалистическом понимании этого слова, победит своего современного врага, капиталиста. Но ведь ничего подобного утверждать нельзя, ибо это не отвечает действительности. Фактическое историческое говорит нам совершенно о другом. Не крестьянство победило, а буржуазия, старый господствующий класс, точнее, господствующее сословие было бито исторически новым господствующим классом, феодала-помещика сменил буржуй, дворянство было оттеснено восходящим классом, буржуазией. Крестьянство не осталось в стороне. Верно, оно воспользовалось этим переходом, оно выгадало немного лучшие условия жизни, оно устроилось до поры до времени. Сравнительно более сносно, оно воспользовалось междуцарствием, междуусобицей этих двух господ и немного, на *время*, пока не подоспела буржуазия своими шупальцами, освободилось из когтей дворянства и в промежуток времени, когда дворянство отошло и буржуазия еще не пришла, не абсолютизировалась, не укрепилась окончательно, оно, крестьянство, вздохнуло свободно.

Более того, крестьянство получило целый ряд льгот за свои жертвы, за свои постоянные бунты, за свою пролитую кровь на алтарь возвеличения буржуазии, своего нового классового повелителя, врага, который сначала дружил с ним и руководил его восстаниями и возглавлял его. Крестьянство от этого выиграло, добившись своего освобождения из-под ига крепостничества. Буржуазии нужны были люди свободные, свободные от всего, от орудий производства, от земли. Крестьянство боролось с дворянством, вело свою „классовую борьбу“, вело ее ежедневно, сталкиваясь на каждом шагу со своим угнетателем. Но эта борьба, собственно, в счет не идет. Такую борьбу ведет каждая жертва со своим палачом. Такую борьбу ведет овечка между зубами волка. Но были и будут, были и настоящие восстания, были схватки боевые. Наконец, и революции. А тогда, кто получил львиную долю выгод от нового строя? Крестьянство? Ничуть не бывало. Буржуазия. Народился новый класс, создались новые условия жизни, стали зарождаться новые отношения, являющиеся новым отражением нарастания и выявления новых отраслей труда, выдвинулось ремесло, обрабатывающая промышленность, создавался город, место обмена и ремесла, развился обмен, создались новые кадры лиц, которые занимались этой новой отраслью деятельности. Эти люди, создавая новые экономические отношения, создали и новые политические отношения, соединяли хотя неорганизованно, зачаточно, не соединенное до них политически, они пе-